

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА РОДИГИНА¹, АННА ЮРЬЕВНА ЛЕДОВСКИХ²

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОЙНЫ 1812 г. В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XXI в.

¹д-р ист. наук

²канд. ист. наук

Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: natrodigina@list.ru
e-mail: anna_ledovskih@mail.ru

Статья посвящена изучению образов Отечественной войны 1812 г. в учебниках истории второй половины XIX – начала XXI в. Определяется роль различных участников политического процесса в создании и трансляции собственных представлений об этой войне через тексты учебных книг. Выявляются слова-маркеры, использовавшиеся для описания военных событий, исторические личности, становившиеся «героями/антигероями» войны, а также влияние типа учебника и времени его создания на интерпретацию событий войны и ее воздействия на историю и культуру России.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., учебная литература, национальная идентичность, мировоззренческая идентичность, образы войны, «герои» и «антигерои».

В отечественной историографической традиции Отечественная война 1812 г. привлекала внимание исследователей в связи с тремя ключевыми сюжетами: 1) «военной историей»; 2) тематикой декабризма; 3) изучением «золотого века» русского дворянства. Таким образом, большинство исследований посвящены изучению «памяти общества» о войне 1812 г. Однако коммеморации войны в учебных пособиях (учебниках, хрестоматиях, рабочих тетрадях, книгах для чтения), на которых воспитывалось не одно поколение русских интеллектуалов, еще не были предметом специального изучения. Между тем исследование заявленной темы не только расширяет существующие в науке представления о политическом, культурном, идеологическом, биографическом контекстах формирования представлений о Франции и французах и русских о самих себе в российском интеллектуальном коммуникативном пространстве, но и позволяет выявить роль учебной литературы в этом процессе.

Учебная литература является одним из мощных инструментов конструирования национальной, мировоззренческой, поколенческой, региональной идентичностей и институтом формирования культурной памяти современников. Влияние учебной литературы по истории на конструирование представлений о прошлом отмечалось в работах М. Ферро [1], Н.Г. Фёдоровой [2], обращавших внимание на использование властными элитами потенциала учебных текстов в своих целях.

Наша цель – выявить образы войны 1812 г. на страницах учебной литературы по истории второй половины XIX – начала XXI в. Мы хотим понять, как разные акторы политического процесса (власть и конкурирующие идеологические сообщества) стремились создавать и транслировать через учебную литературу свои репрезентации войны 1812 г. Какие слова-маркеры использовали авторы учебников при описании военных событий, какие исторические личности становились «героями/антигероями» войны, как влияли тип и время создания учебного текста на интерпретацию войны и ее воздействие на русскую историю и культуру.

Мы опираемся на идеи «конструктивизма» (Б. Андерсона, Э. Гелнера, Э. Хобсбаума), согласно которым мемориализация войн и политика памяти способствуют формированию «наций» и национальных идентичностей. Мы исходим из того, что в связи с событиями Отечественной войны 1812 г. произошла актуализация национальной идентичности на волне патриотических чувств, активно транслировались идеи национально-государственной консолидации. По выражению С. Хантингтона, «французы, англичане, а следом за ними голландцы, испанцы, пруссаки, германцы и итальянцы “выплавили” свои национальные идентичности в тигле войны» [3, с. 61].

Отправными для нас стали идеи П. Нора, который в многотомном издании «Франция – память» в числе других формальных проявлений национальной памяти, созданных во имя Франции – коммеморативных монументов и святынь, национальных исторических хроник, гражданских справочников и других, упоминает учебники истории [4].

В качестве основных источников мы привлекли учебники истории трех разных периодов отечественной истории: имперского, советского и постсоветского. Желая выяснить, как влияла идеологическая приверженность авторов учебников на содержание репрезентаций войны 1812 г., мы обратились к дореволюционным учебникам, написанным, с одной стороны, консерваторами Д.И. Иловайским и И.И. Белярминовым, а с другой – либералом С.М. Соловьевым. Выбор именно этих учебных пособий обусловлен

прежде всего их популярностью во второй половине XIX в., широким использованием в практике преподавания истории в школе.

Учебник историка Д.И. Иловайского «Краткие очерки русской истории» впервые был опубликован в 1860 г. и до 1912 г. выдержал 36 изданий [5, с. 3]. Учебное пособие педагога-практика И.И. Беллярминова «Элементарный курс всеобщей и русской истории» выдержало 32 издания [5, с. 3]. Учебник известного либерального историка С.М. Соловьёва впервые был издан в 1859 г. Несмотря на то, что «Учебная книга русской истории» не была общеобязательным гимназическим учебником, она пользовалась большим спросом и к 1915 г. выдержала 14 изданий [6, с. 5].

Во всех учебниках имперского периода применена одинаковая схема описания войны 1812 г.: ее причины; описание начального этапа (битва под Смоленском, Бородино); характеристика главнокомандующих Русской армии Багратиона, Баркляя-де-Толли, Кутузова; сдача Москвы армии Наполеона; консолидация населения страны для борьбы за ее освобождение; отступление французов (битвы при Малоярославце и Березине); заграничные походы Русской армии. В интерпретациях данных сюжетов нашли отражения различные мировоззренческие пристрастия авторов.

Д.И. Иловайский и И.И. Беллярминов в своих учебниках последовательно воплощали идею о том, что основная цель преподавания истории в школе – «укоренение у учащихся любви и преданности престолу и отечеству» [5, с. 3]. Отмечая объективные экономические, политические и военно-стратегические причины войны, консервативные историки уделяли большое внимание такому субъективному фактору, как властные амбиции Наполеона. При этом Наполеон наделялся отрицательными коннотациями именно в связи с походом в Россию, при описании же его консульства, его внутренней политики и итальянских походов подчеркивались его образованность, бескорыстие, военные таланты, личная храбрость. В учебнике И.И. Беллярминова героический образ Александра I конструировался по принципу бинарных оппозиций главе «Великой армии». Наполеон описывался как «властолюбивый», «изменявший своим убеждениям (из якобинца превратившийся в монархиста)» [7, с. 160–161]. Из речевых конструкций, при помощи которых создавался образ Наполеона как врага, примечательна следующая фраза: «Военные успехи, власть и раболепие генералов, королей-братьев и немецких мелких правителей помрачили ум Бонапарта, и он стал наносить Александру разные оскорбления, например, вопреки обещаниям он расширил герцогство Варшавское, образованное им из польских земель, отнятых у Пруссии» [7, с. 157]. Александр I, напротив, наделялся такими характеристиками, как «стремление жить в мире с соседями», «верность союзническим обязательствам», «кроткость» [7, с. 157]. Признавая монархию единственным возможным вариантом государственного строя для России, консервативные историки подробно описывали действия Александра I на разных этапах войны, цитировали его обращения к народу, подчеркивали его роль как руководителя народной войны. Таким образом, в условиях напряженной политической борьбы и цивилизационных исканий России второй половины XIX в. (времени создания анализируемых учебных текстов) русские консерваторы стремились формировать мировоззренческую идентичность современников, начиная со школьного возраста, рассматривая учебную литературу как инструмент реализации своего символического господства.

Известный русский либеральный историк С. Соловьев избегает оценочных суждений в адрес и Наполеона, и Александра I. Лишь однажды он упоминает о том, что Бонапарт после взятия Москвы «не потерял ничего из своих гениальных способностей и из своей энергии», но «сбил с обычной дороги» [6, с. 362]. Для историка важно максимально подробное и эмоционально сдержанное описание событий, ориентированное на то, чтобы школьники самостоятельно смогли сделать на основе излагаемых фактов собственные выводы.

Несмотря на разные политические идеалы, приверженность различным методологическим направлениям, авторы дореволюционных учебников рассматривали войну как важный период формирования национального самосознания, время национальной консолидации. Заметим, что отождествление нации и народа характерно как для русской историографии XIX в., так и для разных направлений общественной мысли: славянофильства, либерализма, народничества. В учебниках подчеркивается единение всех сословий ради освобождения родины, описываются создание народного ополчения, подвиги офицеров, солдат, партизан, казаков, фиксируются суммы дворянских, купеческих пожертвований на вооружение армии. Подробно объясняется сущность понятия «отечественная война», которое впервые появилось именно для описания сути военных событий 1812 г. Война рассматривалась как один из самых героических периодов российской истории, имеющих большой дидактический потенциал для формирования позитивной национальной идентичности.

Через призму освободительного характера народной войны консерваторами интерпретировались и заграничные походы Русской армии. Символичны названия параграфов об этих событиях в учебниках консерватора И. Беллярминова «Война за освобождение Европы» и либерала С. Соловьёва «Заграничная война 1813 г.». Беллярминов, усиливая данный сюжет, описывает восторженную реакцию населения Европы на встречу с русским императором и ревностную реакцию глав европейских государств на «славу русского оружия». Показателен, к примеру, такой фрагмент текста: «На Венском конгрессе западные государи и их министры, по гордости или корысти, умалили пользу, принесенную Европе императором Александром I» [7, с.

157]. Внимание к усилению международного влияния России не случайно, оно в данном случае объясняется ностальгией по поводу падения авторитета империи после поражения России в Крымской войне, унизившего национальное достоинство.

Примечательно, что во всех учебных текстах отсутствуют сюжеты о влиянии войны на внутреннее развитие страны и о пребывании Русской армии за границей. Это не случайно, объяснение связано с несколькими обстоятельствами: 1) одним из очевидных для потомков последствий войны было появление декабризма – первого организованного выступления против крепостничества и самодержавия, возникшего и под влиянием знакомства русской элиты в лице офицеров с западноевропейской политической культурой; 2) не очень лестным для национального честолюбия поведением Русской армии в Париже.

Радикальные перемены в российской действительности, произошедшие после 1917 г., не могли не отразиться на системе школьного образования. 1920-е гг. ознаменовались серией экспериментов с учебными курсами. Начиная с 1924 г., отечественная и зарубежная история были исключены из школьной программы, вместо них вводилось обществоведение. Исчезли и школьные учебники, жизнь общества необходимо было изучать, основываясь исключительно на наблюдениях за окружающей действительностью.

В 1933 г. курс истории вернулся в школу, однако вопрос о разработке специального учебника долгое время оставался открытым. Во-первых, нужно было создать единственный, «стационарный» текст, так что о былом разнообразии подходов к преподаванию отечественной истории в школе следовало забыть. Новый учебник должен был отличаться полнотой и последовательностью изложения. Комментируя это условие, профессор Н.Н. Ванаг, участвовавший в создании первого варианта текста, замечал: «Нам нужен большевистский Иловайский» [8, с. 103].

Второй проблемой стало то, что политические лидеры Советского Союза предъявляли особые требования к содержанию нового учебника, что нашло отражение в «Замечаниях по поводу конспекта учебника истории СССР» – документе, подписанном И.В. Сталиным, А.А. Ждановым и С.М. Кировым [9, с. 42–45]. Главной задачей разработчиков должно было стать описание истории всех народов, вошедших в состав СССР, а не описание истории России. Кроме того, необходимо было отразить «аннексионистско-колониаторскую» и «контрреволюционную роль русского царизма» во внешней политике. В итоговом варианте учебника «История СССР» в трех частях под редакцией профессора А.М. Панкратовой, который на долгие годы стал единственным школьным учебником истории, все эти требования были вполне учтены.

Основные сюжеты оставались такими же, как в досоветских учебниках. Единственным исключением стало подробное описание подготовки завоевательного похода Наполеона на Россию. В качестве главной задачи этого параграфа, заменившего стандартный текст, посвященный причинам войны, постулировалось включение наполеоновских завоеваний в контекст мировой классовой борьбы. В лице Наполеона советский школьник должен был видеть крупную французскую буржуазию, занимающуюся агрессивным переделом европейских рынков, интересам которой в конечном итоге и была подчинена русская кампания [10, с. 109]. Пристальное внимание авторы учебника уделяли экономической стороне вопроса, и это неудивительно, ведь с точки зрения марксистско-ленинского подхода, именно экономика являлась основным движущим фактором мировой истории. На фоне глобальных процессов личность Наполеона и негативные коннотации, связанные с ней, нивелировались. То же самое можно сказать и о личности российского императора Александра I. С точки зрения авторского коллектива, он был лишь «послушным исполнителем дворянской политики», инструментом, с помощью которого «помещичья Россия» отстаивала свои интересы [10, с. 115].

В этой связи сложно говорить о формировании образов конкретных «антигероев» Отечественной войны, вместо них мы видим некие аморфные и абстрактные конструкции: «крупную буржуазию», «феодальные порядки», «крепостническую Россию». Показательно, что российская государственность также преподносилась в качестве «внутреннего врага» российского народа. В тексте учебника последовательно раскрывалась мысль о том, что победа была одержана не благодаря, а вопреки действиям правительства. Особое место в создании коллективного образа «антигероя» занимали упоминания о французских «шпионах и лазутчиках», которые проникали на территорию Российского государства [10, с. 113]. Это связывало Отечественную войну 1812 г. с современными ученикам реалиями и укрепляло их стереотипное представление о «врагах народа».

Героическая линия в первом советском учебнике была раскрыта гораздо полнее. Во-первых, главным «героем-победителем», по мнению авторов, стали «народные массы». Понятие это трактовалось необычайно широко, сюда вошли не только представители русского народа и многочисленные этносы, населявшие Российскую империю, но и «угнетенные народы Европы», боровшиеся за свою независимость. В данном контексте особенно значимыми стали описания народной и партизанской войны.

Во-вторых, на страницах учебника активно формировались образы конкретных героических личностей – М.И. Кутузова, Барклая де Толли, П.И. Багратиона, Дениса Давыдова. Помимо стандартных характеристик, маркирующих «героя» (воля, твердость, безумная храбрость, воинская хитрость), важным аспектом становился их антагонизм с властью. Особенно четко это прослеживается в описаниях М.И. Кутузова, презиравшего «угодничество, лесть и продажность, которые господствовали при царском дворе». Важным моментом героизации становится указание на преемственность между культовыми личностями

предшествующих и последующих поколений. В данном случае практически все ключевые фигуры Отечественной войны 1812 г. оказались связаны с легендарным А.В. Суворовым. Причем из текста не ясно, кто же был самым любимым и талантливым учеником великого полководца – М.И. Кутузов или П.И. Багратион, эмоциональность характеристик зачастую заменяет стройную логику изложения. «Героическую эстафету» от Суворова Кутузов передает Денису Давыдову, одобряя и благословляя его партизанскую деятельность, а тот, в свою очередь, делится своим воинским опытом с потомками, вдохновляя их на борьбу с «врагами».

Особую авторитетность тексту учебника должны были придавать обильные цитаты из сочинений В.И. Ленина и И.В. Сталина, подкрепляющие все ключевые выводы авторов. В итоге Отечественная война 1812 г. представлялась частью глобального мирового процесса борьбы «угнетенных масс» под предводительством плеяды героических полководцев с агрессорами и эксплуататорами. При этом очевиден компромисс между формированием классовой и национальной идентичности школьников. С одной стороны, авторами подчеркивается, что самоотверженный русский народ защищал «национальную независимость», а с другой стороны, что эта война становится частью «национально-освободительной борьбы европейских народов».

После развенчания культа личности Сталина в 1956 г. возникла необходимость пересмотра учебных текстов. Однако в книге И.А. Федосова «История СССР», вышедшей в начале 1960-х гг., транслируются те же самые представления, что и в учебнике А.М. Панкратовой. Вместе с тем, очевидно, что опыт осмысления Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. наложил серьезный отпечаток на структуру и стилистику текста. Так, ассоциации с «молниеносной войной» Гитлера должно было вызывать подробное описание стратегии Наполеона «окружить и одним мощным ударом уничтожить русские войска», стремление Наполеона во чтобы то ни стало захватить Москву [11, с. 12]. Ту же роль, по всей видимости, играли и описания бесчинств французской армии, упоминания о специальных отрядах «карателей». Встречаются и прямые реминисценции. Фраза «В июне 1812 г. французские войска без объявления войны перешли реку Неман и вторглись в пределы России» [11, с. 16] должна была вызвать однозначную реакцию у школьников, хорошо знакомых со знаменитым сообщением Ю. Левитана о начале Великой Отечественной войны. Образы «героев» и «антигероев» в учебнике Федосова показаны значительно ярче. Наполеон вновь приобретает личностные характеристики: «высокомерный», мечтающий о мировом господстве; он перестает быть ставленником французской буржуазии, инициатива военного похода в Россию принадлежит исключительно ему [11, с. 12–13].

Между тем Александр I по-прежнему упоминается вскользь и представляется авторами учебника как выразитель интересов «дворянской России», наделенной лишь негативными коннотациями. Конформизм и «эксплуататорский характер» российской государственной власти должны были подчеркнуть роль «народных масс» в одержанной победе. Состав армии победителей теперь был уточнен, в нее входили «украинцы, белорусы и представители других народов», подробнее описаны «беззаветный героизм», «храбрость» и «выносливость» солдат, их самоотверженность в разных вариациях становится лейтмотивом текста.

Безусловным лидером русского ополчения, по версии авторского коллектива, стал М.И. Кутузов. Объем текста, посвященного «гениальному полководцу», значительно увеличился, – во многом за счет обильного цитирования самого Кутузова и его соратников. В качестве дополнительных характеристик образа «героя» сохраняются и развиваются заявленные в учебнике А.М. Панкратовой преемственность с Суворовым и антагонизм с государственной властью.

Несмотря на значительно увеличившийся объем текста, посвященного Отечественной войне 1812 г., обилие деталей и коннотации с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., сохраняется основная линия конфронтации между героическими «народными массами» под предводительством «мудрых», «храбрых» полководцев и буржуазными агрессорами и эксплуататорами на фоне полного бездействия представителей государственной власти. Следует также отметить, что в учебном тексте под редакцией И.А. Федосова классовая идентичность непротиворечиво сливается с национальной. Теперь школьнику не нужно соотносить себя с многочисленными «угнетенными народами» Европы. Победа в Отечественной войне 1812 г. принадлежит «русскому народу» и его соратникам – «украинцам, белорусам и представителям других народов». В данном контексте под «народом» подразумевались исключительно низы имперского общества и «идейно близкие» к ним представители элиты [11, с. 15–16].

Советские учебники являют собой почти идеальный пример того, как такого рода тексты могут участвовать в конструировании образов прошлого и способствовать форматированию сознания школьников в русле определенной идеологии. Немаловажными факторами являются инвариантность учебников и прямое участие в их создании представителей властной элиты. Большую роль в данном контексте играет не информативность, а эмоциональность учебного текста, позволяющая создавать яркие образы героического прошлого и соотносить их с окружающей детей реальностью.

Очередной виток радикального реформирования российской государственности в начале 1990-х гг. привел к новому пересмотру учебных программ. В результате появилось огромное количество разнообразных текстов, которые сложно охарактеризовать с точки зрения идеологической приверженности их авторов. Это

обстоятельство заставило нас остановить свой выбор на учебниках, являющихся наиболее авторитетными с точки зрения педагогического сообщества: «История России, XIX век» А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной и «История России XVII–XIX веков» А.Н. Сахарова и А.Н. Боханова.

Схема описания военных событий в них совпадает с предложенной в дореволюционных и советских учебниках. Стремясь абстрагироваться от коммунистической идеологии, которой были пронизаны тексты предшествовавшего периода, авторы постсоветской эпохи отказываются от любых оценочных суждений, подобно С.М. Соловьеву. Они пытаются максимально объективно излагать факты и предоставляют ученикам право самим сделать выводы. В учебнике А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной такая педагогическая стратегия подкреплена дополнительным материалом: многочисленными разноплановыми источниками и комментариями историков, в том числе зарубежных [12].

Наглядной демонстрацией отказа от советских идеологических установок стала и «реабилитация» роли носителей российской государственности в Отечественной войне, в частности Александра I. Фигура русского императора ярко выделяется на фоне достаточно сдержанных характеристик других участников событий, затмевая собой даже М.И. Кутузова. Особенно последовательными в этом отношении стали Сахаров и Боханов, приписывавшие Александру I идею «народной войны», и позитивно оценивавшие его желание закрепить военные успехи за пределами России. В итоге император, глава «храброй» и «мужественной» русской армии, стал фактически единственным «героем» войны 1812 г. [13, с. 128].

Вместе с тем авторы постсоветских учебников не забывают о необходимости формирования у школьников национального самосознания и воспитания у них патриотизма. Это одна из немногих точек соприкосновения с учебниками советского периода. Своеобразным компромиссом между позициями дореволюционных и советских историков стало следующее утверждение: «Власть, армия и народ оказались охвачены единым патриотическим порывом, независимо от существования сложнейших социально-экономических противоречий в стране и крепостного права» [13, с. 133]. Эта фраза, на наш взгляд, исчерпывающе характеризует оценку авторами учебников начала XXI в. событий 1812 г. как одного из немногих моментов консолидации российской нации.

Таким образом, сравнительный анализ отечественных учебников, созданных в разные исторические периоды, позволяет нам сделать некоторые выводы о видах идентичности, конструируемых этими текстами:

1. В учебниках имперского периода формировались в первую очередь сословная идентичность – с описанием ведущей роли дворянства и национальная идентичность, подразумевавшая воспитание определенной гражданско-политической позиции.

2. В советских учебниках конструировались классовая идентичность (подчеркивалась ведущая роль «угнетенных масс» и «простого народа»), а также национальная идентичность (через утверждение – «победа принадлежит объединенным силам всех советских народов»).

3. В постсоветских учебниках актуализируется главным образом национальная идентичность («весь русский народ был охвачен единым патриотическим порывом»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / пер. с фр. М., 1992.
2. Фёдорова Н.Г. Историческое сознание, историческая память и учебник истории: взаимосвязь и взаимовлияние (к вопросу о формировании социальной идентичности средствами школьного обучения) // Вестн. Чуваш. ун-та: гуманитар. науки. 2007. № 4. С. 40–46.
3. Хантингтон С. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности. М., 2008.
4. Франция–память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999.
5. Фукс А.Н. Предисловие // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. С. 3–5.
6. Самсонов А.И. Предисловие // Соловьев С.М. Учебная книга русской истории. М., 1996. С. 5–12.
7. Беллярминов И.И. Элементарный курс всеобщей и русской истории // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. С. 5–180.
8. Артисов А.Н. Н. Н. Ванаг // Отечественная история. 1992. № 6. С. 95–109.
9. Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Сталин И.В. Соч. М., 1997. Т. 14. С. 40–42.
10. История СССР: учебник [для средней школы] / под ред. А.М. Панкратовой. М., 1961. Ч. 2.
11. Федосов И. А. История СССР: учеб. пособ. для 8 кл. М., 1980.
12. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России, XIX в. М., 2009.
13. Сахаров А.Н., Боханов А.Н. История России XVII–XIX вв. М., 1997. Ч. 2.

Поступила в редакцию